МУРЗИЛКА

№ 9 ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ СЕНТЯБРЬ 1962

Андриян Григорьевич Николаев.

Павел Романович Попович.

Небесные славные братья
С космического корабля!
Для вас распахнула объятья
Родная планета Земля.

Вас просят ребята Советской страны:
—Возьмите, пожалуйста, нас до Луны!

ПОСЛЕ УРОКОВ

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

После уроков я забежал в первый класс. Я бы не стал к ним забегать, но соседка поручила присмотреть за её сыном. Всё-таки первое сентября, первый школьный день.

Забежал, а в классе уже пусто. Все ушли. Хотел повернуться и идти. И вдруг вижу: на последней парте сидит какая-то кнопка, из-за парты её почти не видно.

Это была девочка, а совсем не мальчик, которого я искал. Как полагалось первоклассницам, она была в белом переднике и в белых бантах.

Странно, что она сидела одна. Все ушли домой и, может быть, уже едят там бульоны и молочные кисели и рассказывают родителям чудеса про школу, а эта сидит и неизвестно чего ждёт.

— Девочка, — говорю, — почему не идёшь домой?

Никакого внимания.

— Может быть, потеряла что-нибудь?

Молчит и сидит, как каменная статуя, не шелохнётся.

Что делать, не знаю.

Подошёл к доске, придумываю, как расшевелить эту «каменную статую», и потихоньку рисую.

Нарисовал первоклашку, который пришёл из школы и обедает. Потом — маму, папу и двух бабушек. Он жуёт, уплетает за обе щеки, а они ему смотрят в рот. Получилась забавная картинка.

— А мы с тобой, — говорю, — голодные. Не пора ли и нам домой?

— Нет, — отвечает. — Я домой не пойду.

— Что же, ночевать здесь будешь?

— Не знаю.

Голос у неё жалобный, тоненький. Комариный писк, а не голос.

Я оглянулся на свою картину, и в животе у меня заурчало. Есть захотелось.

Ну её, эту ненормальную! Вышел из класса и пошёл. Но тут меня совесть заела, и я вернулся обратно.

— Ты, — говорю, — если не скажешь, зачем здесь сидишь, я сейчас вызову школьного врача. А он раз-два: «Скорая помощь», сирена — и ты в больнице.

Решил напугать её. Я этого врача сам боюсь. Вечно он: «Дыши, не дыши...» И градусник суёт под мышку. Холодный, как сосулька.

— Ну и хорошо, — отвечает. — Поеду в больницу.

— Можешь ты сказать,— закричал я,— что у тебя случилось?

— Меня брат ждёт. Вон во дворе сидит.

Я выглянул во двор. Действительно, там на скамейке сидел маленький мальчик.

— Ну и что же?

— А то, что я ему обещала сегодня все буквы выучить.

— Сильна ты обещать, — сказал я. — В один день всю азбуку?! Может быть, ты тогда школу закончишь в один год? Сильна врать!

— Я не врала, я просто не знала.

Вижу, сейчас она заплачет. Глаза опустила и головой как-то непонятно вертит.

— Буквы учат целый год. Это не простое дело.

— У нас папа с мамой уехали далеко, а Серёжа, мой брат, сильно скучает. А я ему сказала: «Вот пойду в школу, выучу все буквы — и напишем маме и папе письмо». А он всем мальчишкам во дворе рассказал. А мы сегодня весь день палки писали.

— Палки, — говорю, — это хорошо, это просто замечательно! Из палок ведь можно сложить буквы. — Я подошёл к доске и написал букву «А». Печатную. — Это буква «А». Она из трёх палок. Буква-шалашик.

Вот уж никогда не думал, что буду учителем! Но надо было отвлечь её, чтобы не заплакала.

— А теперь, — говорю, — пойдём к твоему брату, и я ему всё объясню.

Мы вышли во двор и направились к её брату.

Шли, как маленькие, за руки. Она сунула мне свою ладошку в руку. Мягкая у неё ладошка, пальцы подушечками, и тёплая.

Вот, думаю, если кто-нибудь из ребят увидит, засмеют. Но не бросишь же её руку, человек ведь.

А этот важный Серёжка сидит и болтает ногами. Делает вид, что нас не видит.

— Слушай, — говорю, — старина. Как бы тебе это объяснить... Ну в общем, чтобы выучить всю азбуку, нужно учиться целый год. Это не такое лёгкое дело.

— Значит, не выучила? — Он вызывающе посмотрел на сестру. — Нечего было обещать.

— Мы писали палки весь день, — с отчаянием сказала девочка. — А из палок складываются буквы.

Но он не стал её слушать. Сполз со скамейки, сунул руки в карманы, низко опустил голову и поплёлся утиной походочкой.

Меня он вообще не замечал. И мне надоело: возись здесь, когда есть охота! Вечно я впутывался в чужие дела.

— Я выучила букву «А». Она пишется шалашиком! — крикнула девочка в спину брату.

Но он даже не оглянулся.

Тогда я догнал его.

— Слушай, — говорю, — ну чем она виновата? Наука — сложное дело. Пойдёшь в школу — сам узнаешь. Думаешь, Гагарин или Титов в один день всю азбуку одолели? Тоже, ой-ой, как попотели. А у тебя и руки опустились.

— Я весь день на память письмо маме сочинял, — сказал он.

У него было такое печальное лицо, и я подумал, что зря его мама оставила одного. Раз собралась ехать в Сибирь, бери и детей с собой. Они не испугаются далёких расстояний или злых морозов.

— Подумаешь, беда, — говорю. — Я сегодня приду к вам после обеда и всё изображу на бумаге под твою диктовку в лучшем виде.

— Вот хорошо! — сказала девочка. — Мы живём в этом доме за железной изгородью. Правда, Серёжа, хорошо?

— Ладно, — ответил Серёжа. — Я буду ждать.

Я видел, как они вошли во двор и их фигурки замелькали между железных прутьев забора и кустов зелени.

И тут я услышал громкий, ехидный такой мальчишеский голос:

— Серёжка, ну что, выучила твоя сестра все буквы?

Я видел, что Серёжа остановился, а сестра его вбежала в подъезд.

— Чтобы выучить азбуку, знаешь, сколько надо учиться? — сказал Серёжа. — Надо учиться целый год.

— Значит, плакали ваши письма, — сказал мальчишка. — И плакала ваша Сибирь.

— Ничего не плакала, — ответил Серёжа. — У меня есть друг, он уже давно учится не в первом классе, он сегодня придёт к нам и напишет письмо.

— Всё ты врёшь, — сказал мальчишка. — Ох, и здоров ты заливать! Ну, как зовут твоего друга, как?

Наступило молчание.

Ещё минута — и должен был раздаться победный, торжествующий возглас ехидного мальчишки, но я не позволил этому случиться.

Я влез на каменный фундамент забора и просунул голову между прутьев.

— Между прочим, его зовут Юркой, — сказал я.

У этого мальчишки от неожиданности открылся рот.

А Серёжа ничего не сказал. Он был не из тех, кто бьёт лежачих.

А я спрыгнул на землю и пошёл домой.

Не знаю почему, но настроение у меня было хорошее. Весело было на душе — и всё. Отличное было настроение. Даже петь хотелось.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Звенящее дерево

Елена КРИЖАНОВА

Перевод с чешского

У нас с Душаном есть дерево. Я говорю «у нас» не потому, что мы его вырастили. И всё же оно наше. Мы подружились с ним весной, когда ходили покупать тапочки.

Несём мы их домой в пакете и подходим к парку. За оградой всё зеленеет. Трава разукрасилась золотыми звёздочками одуванчиков. Цветут черешни. А мы ходим по парку и думаем об отметках, о замечаниях, которые записаны в дневник учительницей. И вдруг видим дерево. Высокое, могучее, но совсем голое.

— Как ты думаешь, — спрашивает Душан, — оно умерло?

— Вряд ли, — говорю я. — Отчего оно должно умереть?

— Но почему тогда на нём нет листьев, как на других деревьях? — говорит Душан.

— Опоздало, — говорю я. — Не успело, как другие, более прилежные деревья, распустить свои листья... Для него это, наверное, так же трудно, как для некоторых школьников чисто писать.

Душан взглянул на меня и покраснел. А потом рассмеялся:

— Может быть, оно потому и стоит, как отстающий школьник, — в углу. Дерево — отстающий школьник, второгодник! — и Душан опять засмеялся.

Мы подошли ближе к дереву. Оно не было совсем голым. На ветках набухали почки, а местами уже появились листочки — маленькие, перекрученные, совсем как буквы в тетрадках Душана.

— Второгодник-негодник! — насмехался Душан над деревом.

— Послушай, — сказала я Душану, — я, право, не уверена, можно ли так насмехаться.

Душан перестал смеяться и говорит:

— Как ты думаешь, догонит оно другие деревья или нет?

— Пожалуй. Если, конечно, постарается.

— Догоняет, догоняет! — закричал Душан через несколько дней. — Оно совсем зелёное.

— Какое оно красивое стало, мама! — сказал Душан ещё через несколько дней.— А сколько на нём птичек! Гораздо больше, чем на других деревьях. Я думаю, на нём есть гнездо.

Мы пошли взглянуть на дерево. Оно действительно стало очень красивым. Трудно было его в чём-нибудь упрекнуть: крона — как большой шатёр, листву колышет ветер, птицы щебечут.

— Дерево-то гордится, — сказал Душан.

— Есть чем, — сказала я. — Оно стало молодцом.

Душан стал в раздумье кусать губы.

— Посмотри, — сказал он, когда мы вернулись домой, и показал мне свою тетрадь, — четвёрка. Четвёрка по чистописанию. Ты думаешь, другие не стараются?

— Нет, не думаю, — ответила я. — Я вижу, что и другие по-настоящему стараются.

Время шло. Дерево в парке шумело, пело, разговаривало с ветром. Оно расцвело длинными кистями цветов. Листья на нём потемнели.

Мы часто сидели в парке, смотрели на дерево и думали: что нам делать? Нам было ясно, что дерево нас перегнало. Никто уже не мог сказать ему, что оно второгодник. А Душану...

— Признайся, мама, что писать всё же труднее, — говорил мне Душан, — дереву помогают солнце и дождь, оно посажено на хорошей земле, а я должен писать самостоятельно.

— Как так? — удивилась я. — Тебе Данка помогает. Любка помогает, мама помогает, учительница в школе учит.

Да, мы с Душаном очень отстали. Дневник наш не был таким, чтобы мы с гордостью могли сказать нашему дереву: «Посмотри, не только ты, но и мы...»

Окончились каникулы, подошла осень. Листья нашего дерева стали золотыми, потом покраснели и понемногу стали опадать.

— Оно совершенно голое, — сообщил мне однажды Душан. — Голое и безобразное.

Я знала, что Душан думал о дереве. Он думал: «Так ему и надо!»

Пришла зима. Нехорошая, городская, сырая зима с дождём, грязью и сажей. Ветер яростно бичевал голые ветви нашего дерева.

Душан мучился над домашними заданиями, выводил букву за буквой. Постепенно ему стало даваться чистописание. В дневнике и тетрадях всё чаще стали попадаться четвёрки.

— Вот, смотри! — встретил меня однажды Душан. — Пятёрка! Пятёрка по чистописанию. Круглая, как арбуз. — Лицо Душана сияло.

— Отлично, — сказала я. — Надо бы показать эту пятёрку нашему дереву.

— До чего же оно... до чего же оно красивое! — удивлённо воскликнул Душан.

И действительно, дерево было великолепным. Каждая веточка на нём покрылась тонким ледяным налётом. Дерево стояло стеклянное сверху донизу. Оно ярко блестело в лучах зимнего солнца, переливаясь всеми цветами радуги. Казалось, оно нарочно надело этот красивый, праздничный наряд.

— Ты думаешь, что это для меня? — прошептал Душан. — Думаешь, что оно узнало, что оно могло узнать?

— А почему бы и нет? — сказала я. — Ведь оно же твой друг. Вы вместе старались, вместе боролись, и радуется оно вместе с тобой.

А дерево вдруг зашевелило ветвями и зазвенело — тонко и нежно. Оно звенело от радости.

Каюм ТАНГРЫКУЛИЕВ *Рис. А. КОКОРИНА*

КАНАЛ ИДЁТ!

Словно бурная река,
Наш канал в пустыне
Разукрасил берега
Маками густыми.

Целый день гудки ревут,
И по жёлтым водам
Гуси-лебеди плывут
Рядом с теплоходом.

Говорит канал:
«Я рад
Напоить равнину,
Я отсюда, говорят,
К Ашхабаду двину».

Пусть вода в пески идёт,
Точно в половодье.
Как коня, схватил народ
Воду за поводья.

ВТРОЁМ

Рано утром поднялись,
Быстро чаю напились
И отправились втроём
На холмы.
Там весной крутые склоны
Щавелёк покрыл зелёный,
Вот за ним-то и пошли
Мы.

Мы втроём
Вверх бредём —
Дружная семья:
Младший брат впереди,
Белый козлик позади,
Посерёдке я.

По тропинке узкой ввысь,
Наконец, мы взобрались,
Огляделись мы по сторонам.
Глядь, зелёная лужайка!
Нагибайся, собирай-ка,
Вот щавель, который нужен
Нам!

Мы втроём
Листья рвём —
Дружная семья:
Младший брат впереди,
Белый козлик позади,
Посерёдке я.

По лужайке разбрелись,
За работу принялись,
Рвали мы щавель целый час.
Я несу почти охапку,
Брат набрал большую шапку,
Только козлик отстаёт
От нас.

Мы втроём
Домой идём —
Дружная семья:
Младший брат впереди,
Сытый козлик позади,
Посерёдке я.

Наш приятель Иулмек

Очень странный человек
Наш приятель Иулмек!

Это он, Иулмек,
За углом хохочет.
Это он, Иулмек,
Нас поссорить хочет.

Рад он сделать петухами
Всех мальчишек, с кем знаком.
Маленьких столкнёт руками,
Тех, кто старше, — языком:

— Ты, Байрам, слабей Ораза,
Потому что, если б мог,
Ты Ораза сшиб бы сразу,
Сбил бы ты Ораза с ног.

И опять Иулмек
За углом хохочет.
И опять Иулмек
Новой драки хочет.

Никудышный человек
Наш приятель Иулмек!

Перевёл с туркменского
Я. АКИМ

НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Сергей ***АЛЕКСЕЕВ***

утузов читал письмо: «Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!»

Письмо было от старого друга, генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, былые походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писал он письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне молодом офицере Гришеньке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе пригреть Гришеньку, взять в штаб, а лучше всего в адъютанты.

— Да-а, — вздохнул Кутузов. — Не с этого мы начинали. Видать, молодёжь не та уже нынче. Всё ищут, где бы потеплее, где жизнь поспокойнее. Все в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным, Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл. Смотрит Кутузов: стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ, как тростинка.

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимыча — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит.

— Ваше сиятельство!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнёт благодарить.

— Ступай, ступай!

— Ваша светлость... — опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка, какой прилипчивый».

— Ну, что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в действующую армию, — пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой: «Дитё, как есть дитё». Жалко стало теперь молодого офицера Кутузову. Как же посылать такого птенца под пули?

— Не могу, не могу, — говорит. — Батюшке твоему другое обещано. Да и куда тебе в полк? Тебя-то, такого малого, и солдаты в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так ведь и Суворов был не саженного роста.

Кутузов удивлённо поднял глаза. Понял он, что Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину лезет. Подошёл фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало... — Кутузов не договорил: стариковская слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай, — махнул рукой, наконец, Кутузов. — Лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Пётр Никодимович!

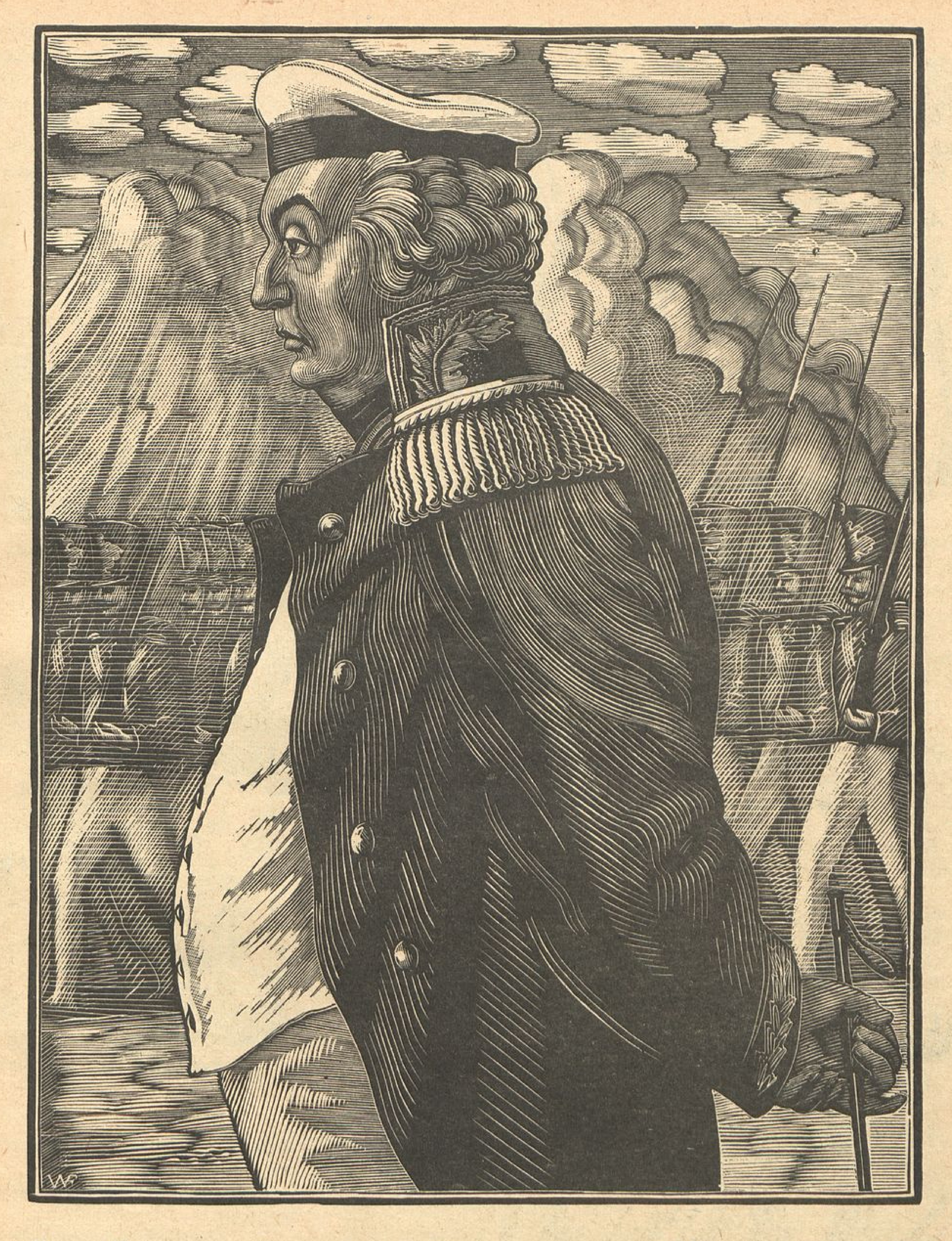
Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову.

«При душе» — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

Михаил Илларионович Кутузов. *С гравюры В. ФАВОРСКОГО*

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Рис. В. ЛОСИНА

Есть под Москвой деревня Бородино. Весь мир знает эту деревню. Сто пятьдесят лет назад, на рассвете 7 сентября 1812 года, близ Бородина произошла знаменитая битва между наполеоновскими и русскими войсками.

Французский император Наполеон, покорив почти всю Европу, решил завоевать и Россию. Он двинул на наши войска невиданную по тем временам армию. Более полумиллиона солдат насчитывало войско чужеземных завоевателей.

И вот на холмистом поле, у маленькой, неизвестной деревни разыгралось сражение. Страшной была битва. Русские стояли насмерть, обороняя Москву. Наполеон потерял 57 тысяч солдат и 47 своих генералов.

После Бородинской битвы францу
вошли в неё не как победители. С
встретил иноземных захватчиков.
Кутузов вывел их в южные район
готовилась к новым боям.

В начале войны Наполеон хваст
шалам: «Если я займу Киев — я во

я овладею Петербургом — я возьму
ву, я поражу её в сердце».

Французские войска были в Мос
корили.

На освободительную борьбу под
заны — крестьяне и крестьянки —

узы заняли Москву, но они
Суровый полупустой город
Войск в Москве не было.
ы страны. Русская армия

тливо говорил своим мар-
зьму Россию за ноги; если

у её за голову; заняв Моск-

скве, но Россию они не по-

днялся весь народ. Парти-
нападали на врага, разру-

шали мосты, уничтожали обозы с продовольствием и оружием, брали в плен французских солдат.

Ударила зима. Французы мёрзли и голодали. Отступающая армия захватчиков таяла под огнём наших войск.

Наполеон бросил остатки своей армии и в простых санках бежал из нашей страны.

Нет такой силы, чтобы сломить народ, который встал на защиту родины.

ГОРА ШАЛБУЗДАГ

Нурадин ЮСУПОВ

Рис. И. ПЯТКИНА

Выше всех вершин окрестных,
Выше всех вершин отвесных,
На самурском берегу
Шалбуздаг стоит могучий,
Голова его в снегу,
Борода клубится тучей.

* * *

Прошлой осенью, ребята,
В школу мой пошёл сосед.
Там спросили:
— Сколько лет?
И сказали: — Рановато!

Обожди, вот минет осень,
Свистнет вьюга на бегу,
Заметая цифру «восемь» —
След зайчишки на снегу.

А потом придёт весна,
И растопит снег она.
В зелень пышную одето,
Вслед за ней наступит лето.

А за летом в свой черёд
Осень новая придёт.
Потерпи!
За парту сядешь
Ты, приятель, через год!

* * *

Кружились листья возле крыш
По синему простору.
И не домой пошёл малыш,
А по тропинке в гору.

Шагал, шагал и до седой
Вершины он добрался,
Где с настоящею зимой
До срока повстречался.

Вздохнул,
увидев глыбы льда
И снежные вершины:

«Неплохо санки бы сюда
И шубу из овчины».

Дышать на пальцы начал он.
Пора с зимой прощаться.
И, перейдя на южный склон,
С вершины стал спускаться.

Был ноздреватым снег вокруг,
Теплее делалось.
                    И вдруг
Ему предстал гонец весны —
Подснежник белый у сосны.

Проснулся розовый тюльпан,
Как на зелёном ложе,
Но торопился мальчуган
С весной проститься тоже.

Вела тропинка под откос.
И он услышал звон стрекоз
И шелест листьев —
                    это
Навстречу плыло лето.

Была река невдалеке,
И, от слепней спасаясь,
Спускались буйволы к реке,
Хвостами отбиваясь.

В жару отрады лучше нет,
Чем снять штаны — и в реку.
Но торопился мой сосед.
Путь добрый человеку!

На север долго ли свернуть?
И обогнул он гору.
Из сентября пустившись в путь,
Вернулся в ту же пору.

Лежал багрянец на листве,
Прошла арба с плодами.
Кружился ястреб в синеве
Над жёлтыми скирдами.

Набить бы сливами карман,
Сорвать бы персик, что румян, —
Созревших фруктов много!
Но очутился мальчуган
У школьного порога...

Открыл уверенно он дверь:
— Прошу принять меня теперь!

Все на мальчишку глянули:
— А ты пришёл не рано ли?

Он отвечал на это:
— Ведь год успел пройти —
Зима, весна и лето
Мне встретились в пути!..

Сказал директор:
                    — Так, так, так! —
И посмотрел на Шалбуздаг. —
Придётся нам на этот раз
Тебя зачислить в первый класс!

* * *

Кто не знал, пусть знает впредь:
Не любая может птица
Шалбуздаг перелететь,
Где природа — мастерица
На чудесные дела
Холодильник и теплицу
По соседству создала.
Встал до неба Шалбуздаг —
Рек стремительных земляк.

Если кто-нибудь из вас
На него взойдёт сто раз,
Скажут:
          — Этот человек
Хоть не стар, а прожил век.

Перевёл с лакского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

ПОЧЕМУ?

Н. ВОРОНЕЛЬ

Если ехать по шоссе,
Всё летит навстречу:
Крыши все,
заборы все,
Все мосты от речек.
Все берёзы, все дубы,
Телеграфные столбы,
Все собаки всех пород,
Все дома подряд:
Если я лечу вперёд,
Всё летит назад.

Может, взять их обмануть:
Быстро-быстро повернуть?
Только всё напрасно:
Все деревья и кусты,
Все заборы и мосты
Побегут обратно.

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА,
М. СКОБЕЛЕВА

Мартышкина бухта

С. САХАРНОВ

Рис. А. ЛИВАНОВА

Случилась эта история в гражданскую войну на Чёрном море.

Стоит там на берегу Мартыновой бухты городок.

Голубая вода, белые, как морские раковины, домики...

В те годы в бухте было всего два-три причала да работал заводик, на котором ремонтировали катера и буксиры.

Старшим мастером на заводе работал Прохор Лукич — великий знаток паровых машин. Бывало, приведут в бухту катер, поставят у причала, запустят двигатель.

Сядет Прохор Лукич в сторонке и слушает.

Кончит машина стучать, он скажет:

— Поршень барахлит. Надо менять кольцо!

Разберут — и верно: кольцо стёрлось!

Насквозь он машину видит, что ли?

И вдруг такой мастер остался без работы.

Случилось это так. Город заняли белые, а вслед за ними высадились иностранные войска: англичане, французы, греки.

И тогда все рабочие, как один, перестали работать, потому что они не хотели чинить корабли, которые воюют против красных.

Но дела у белых шли неважно.

Красная Армия ворвалась в Крым, и пришлось белым убираться за море.

Больших пароходов в городе не было.

Тогда белые стали собирать всё, что держалось на воде: катера, баржи, буксиры.

Поздно ночью под Новый год в дверь домика, где жил Прохор Лукич, забарабанили прикладом: «бах, бах, бах!»

Выглянул мастер: у ворот стоят два солдата в иностранной форме и горбоносый, чёрный, как жук, офицер.

— Собирайся, пойдёшь в эту, как её, Мартышкину бухту, — сказал, коверкая слова, офицер. — Срочная работа там.

— Нечего мне на заводе делать, — хмуро ответил мастер.

— Чего или нечего, не тебе лучше знать, — отрезал офицер и скомандовал что-то солдатам. Те схватили мастера за руки и повели.

На заводе, несмотря на поздний час, было много рабочих. Однако никто из них не работал.

На причале стоял генерал.

Прохора Лукича подвели к нему.

— Починишь котёл на буксире!—приказал генерал. — Да поторапливайся, утром надо уходить.

— Не буду чинить, — тихо ответил Прохор Лукич.

Нет котла — нет пару. Нет пару — никуда не уйти белякам.

Как вспылит генерал.

— Взять его! — кричит. — В кутузку! Держать, пока не одумается!

Схватили мастера солдаты, уволокли.

Заперли в сарай. То и дело подходят к двери.

— Ну как, согласен? — спрашивают. А какой он по котлам мастер? Всю жизнь одни машины чинил.

Прошло часа три, и вдруг Прохор Лукич говорит еле слышным голосом:

— Передайте генералу — согласен...

Привели его на буксир. Рабочие исподлобья смотрят: не выдержал, мол, старик.

Начал возиться около котла. Возился, возился. Здесь стучал молотком, там. Всю топку вычистил, в двух местах трубки сменил, в приборах поковырялся.

— Готова работа! — говорит. — Поднимайте пар. Полчаса — и всё в порядке.

...Какие полчаса?

Разожгли котёл.

Идёт пар. Набирает давление, в машину рвётся.

А в городе уже стреляют. Красная артиллерия до бухты достаёт, по причалу так и кроет.

Бросились белые на буксир. Запустили машину, подняли свой флаг и отошли.

Офицер, который Прохора Лукича к генералу вёл, с буксира кулак показывает и кричит:

— Прощай, Мартышкина бухта!

Стоит Прохор Лукич на причале, смотрит, как буксир режет носом синюю воду. Рабочие отдельно от него стоят кучкой.

Вот буксир прошёл середину бухты и повернул в открытое море.

— Ушли, гадюки! — в сердцах говорит один из рабочих. — А мы-то хороши. Своими руками в путь собрали...

Сказал и посмотрел на Прохора Лукича. Ничего не ответил ему мастер. Смотрит вслед буксиру, будто чего-то ждет.

И в ту же минуту буксир как-то дёрнулся, качнулся и взлетел на воздух! Над водой взметнулось белое облако.

«Бум!» — донёсся до берега звук взрыва.

Когда белое облако рассеялось, на поверхности воды плавали только несколько досок да обрывки белого флага...

Рабочие не сразу поняли, в чём дело, а когда поняли, бросились обнимать Прохора Лукича. Ведь это взорвался котёл, поработав на врага ровно полчаса.

Вот как починил его мастер!

ШЕПЕЛЯВАЯ ПТИЦА

Н. СЛАДКОВ *Рис. В. СТАЦИНСКОГО*

— Приложите-ка, ребята, ухо к замочной скважине. Слышите?

— КУКАРЕКУ-У!

— Петух, — сказали ребята. — Знакомая птица!

А за дверью вдруг по-кошачьи:

— МЯУ, МЯУ, МЯУ!

Вот так петух!

И вдруг как часики:

— ТИК-ТИК-ТИК!

Защебетало, защебетало. Потом по-синичьему:

— ВИН-ТИК, ВИН-ТИК, ВИН-ТИК!

Потом по-куличиному:

— УЛИ-И-ИТ, УЛИ-И-ИТ!

И как певчий дрозд:

— ФИ-ЛИП, ФИ-ЛИП, ФИ-ЛИП!

— Это птица-повторялка, — сказали ребята. — На всех птичьих языках говорит!

А птица за дверью как скажет человеческим голосом:

— КОШ-КА, КОШ-КА, КОШ-КА, БР-Р-ЫСЬ!

— Вот это да-а!

А птица за дверью:

— ШКВОРУШКА, ШКВОРУШКА, ШКВОРЕЦ!

Все так и ахнули. Это же скворец ручной! Скворцы ведь известные пересмешники. Они могут птичьи голоса передразнивать и человеческие слова повторять. Только вот шепелявят здорово:

— ШКВОРУШКЕ ШАХАРУ ШКОРЕЙ!

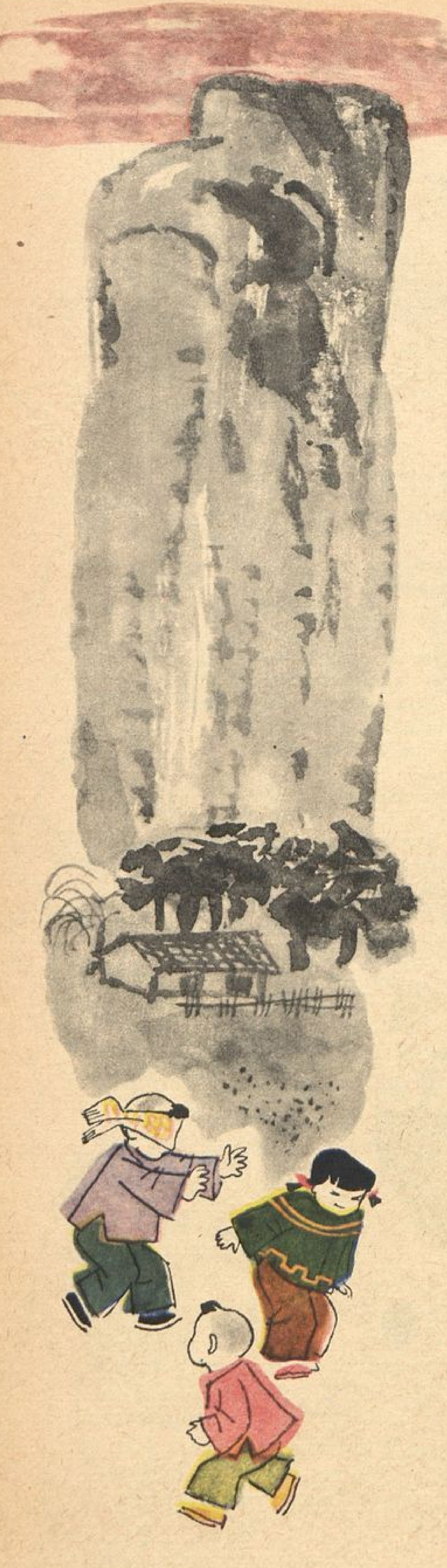
Но для птицы это полбеды. Беда, когда иные ребята говорят:

— ШЁЛ ШАШКА ПО ШОШЕ и ШАШАЛ ШОШКУ!

Прямо скворцам на смех!

Умный

ЧАН

Жил-был мальчик. Звали его Сма-гуа.

Вот пошёл однажды Сма-гуа в соседний сад и стал играть с детьми в жмурки.

А в саду была насыпная горка. Каждый знает, зачем люди насыпают их, — для красоты. Ведь деревья, кусты и цветы на возвышенности выглядят куда красивее, чем на ровном месте.

Потому-то и была горка там, где играли дети.

И уже не для красоты, а просто чтобы легче было садовнику, стоял под горкой большой глиняный чан. Садовник брал из него воду, когда приходило время поливать растения.

Но он, конечно, не думал, что из-за чана может случиться беда.

Между тем беда произошла. В чане чуть не утонул маленький Лю-дзу. Он бы даже непременно утонул, если бы не умный Сма-гуа. Лю-дзу просто повезло, что Сма-гуа был поблизости.

Что же произошло?

Взрослых в саду не было. Дети играли одни. Шумели вовсю. Жмурки ведь очень весёлая игра. Весело бывает, когда убегаешь от того, кто ловит, и весело — когда сам ловишь.

Лю-дзу тоже бегал со всеми. Потом пришла его очередь ловить.

Завязали ему глаза платком, покружили на месте и отпустили: ну-ка, поймай кого удастся!

Что ж, Лю-дзу водил не хуже других. Совсем не легко было ускользнуть от него тем, кто подкрадывался близко.

Играя, дети незаметно-незаметно поднялись на горку. Лю-дзу не отставал. Вытянув руки вперёд, ничего не видя, он бежал на голоса.

И вдруг конец горки, обрыв. Никто не успел ни крикнуть, ни остановить мальчика. Лю-дзу полетел вниз.

А внизу чан. А в чане вода.

Бульк!.. Маленький Лю-дзу очутился в большом чане, маленькому Лю-дзу не выбраться из него: руками до края не дотянуться, а ногами дна не достать. Плохо. Вот-вот захлебнётся.

Дети сбежали вниз. Глаза от испуга круглые. Бледные как мел. Смотрят друг на друга, мечутся, а что делать — не знают.

Один Сма-гуа не растерялся. Он сразу сообразил, как быть. Ему нужно было что-то тяжёлое — камень, например.

Глянул Сма-гуа туда-сюда, увидел большой булыжник.

Ага! Есть!

Схватил Сма-гуа булыжник, подбежал к чану и ударил по глиняной стенке.

«Бам!» — будто колокол загудел в саду.

Сма-гуа ударил сильнее, потому что с первого раза чан не треснул, выдержал.

«Бам! Бам!..»

Глина есть глина, а гранит есть гранит. Какой ни добротный был чан, камень сделал своё дело. После третьего удара вместо гулкого звона послышался треск. Из отверстия, пробитого булыжником, потоком хлынула вода, и ещё спустя секунду через разбитый бок чана на аллею выбрался мокрый, дрожащий, испуганный Лю-дзу.

Молодец Сма-гуа! Спас товарища.

Что же касается разбитого чана, то его не жаль. На следующий день в саду стоял новый. Только уже с крышкой.

На всякий случай.

Сма-Гуа

мячик

В тот день, когда произошло то, о чём здесь будет рассказано, дети играли в мячик.

Мячик принесла из дому девочка, волосы которой были туго перехвачены на макушке синей ленточкой. Её так и звали — Синяя ленточка.

Играли-играли, перебрасывали мяч от одного к другому, всё было очень хорошо. Вдруг кто-то сильно ударил мяч, мяч отлетел в сторону, покатился по дорожке и... пропал.

Был мяч — нет мяча. Что такое?

Стали искать. Долго шарили в траве, наконец нашли. Но не мячик, а яму. Глубокую, узкую, как труба. Её, должно быть, для столба вырыли. Туда-то и закатился мяч.

Надо достать.

Принесли дети бамбуковую палку, опустили в яму, попытались поддеть мячик.

Нет, не получается. Яма узкая, мячик круглый, палка гладкая — никак не ухватить.

Принесли ещё одну бамбуковую палку. Может быть, двумя удастся.

С двумя даже хуже стало: одна палка мешает другой.

Тогда Лю-дзу, тот самый, который в чану побывал, сказал:

— А что, если привязать к палке рыболовный крючок? Крючком зацепим мячик и вытащим.

— Нельзя, глупый, — сказала Синяя ленточка. — Крючок острый, а резина тонкая. Проколет крючок резину, какая от дырявого мяча польза?

Сказав так, девочка заплакала. Жалко мячик. Никогда, видно, не играть уже с ним. А какой хороший был! Лучше всех! Ни у кого выше не прыгал, ни у кого легче от стены не отскакивал.

Сма-гуа не любит, когда плачут. Он считает, что даже девочкам не следует пускать слезу.

Сейчас он тоже сердито посмотрел на Синюю ленточку и сказал:

— Погоди, не плачь. Я что-то придумал.

Все смотрели на Сма-гуа. Интересно, что же он придумал?

Но у Сма-гуа не было времени объяснять. Он только спросил, кому отсюда до дому ближе всех.

— Мне, — ответил Лю-дзу.

— Тогда пойдём.

Мальчики побежали из сада, а другие дети присели на траву возле ямы и стали ждать.

Скоро Сма-гуа и Лю-дзу вернулись. В руках полное ведро воды. Одно на двоих. Вместе несут.

Поставили ношу, отдышаться не могут. Как-никак тяжесть.

Дети смотрят, не понимают. Ну ведро, ну вода... Что с этим делать? Никто не понимал, как дальше поступит Сма-гуа.

А он поступил просто. Подошёл к яме, стал лить в яму воду.

Немножко воды налил — мяч немножко поднялся со дна, прибавилась вода — мяч ещё больше поднялся, а когда яма наполнилась водой до краёв, мяч оказался на самой поверхности.

Бери, Синяя ленточка, пожалуйста, никуда твой мячик не делся.

Ох, и молодец Сма-гуа! Ну до чего же догадлив!

Г. НОВОГРУДСКИЙ
Пересказ с китайского

Рис. В. ПЕРЦОВА

Рис. Л. ТОКМАКОВА

ЖУРАВЛЬ

Юрий АНДРИАНОВ

Посреди деревни
Встал большой журавль.
У дороги клювом
Землю пробуравил.

Подойдёшь с ведёрком —
Он тотчас нагнётся
И достанет клювом
Воду из колодца.

ДОБРЫЙ ГОСТЬ

Т. БЕЛОЗЁРОВ

Что за шум,
Что за треск?
Это трактор
Входит в лес.
Клён засохший,
Пень гнилой
Вывез из лесу
Долой!
Неуклюжая машина,
Ты погубишь
Всю малину,
Поломаешь
Все кусты.
Трактор, трактор,
Что же ты?
Говорит нам тракторист:
— Будет лес
Здоров и чист.
Станет больше
Для людей
Спелых ягод
И груздей!

УВЕЛИ

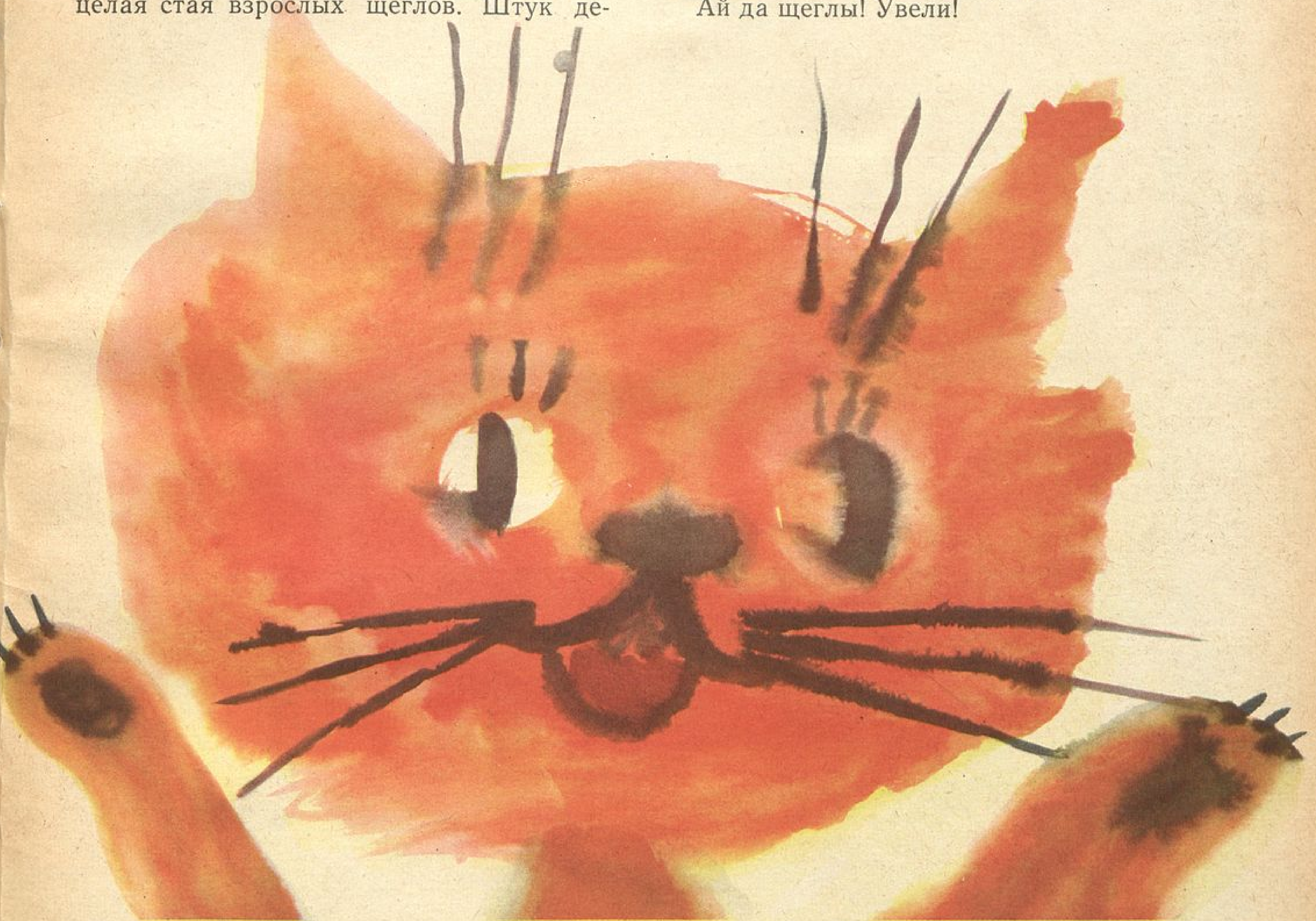
Юрий АЛЕКСАНДРОВ

Мы поймали птенца. То есть мы его не ловили, он сам выполз откуда-то — должно быть, утром выпал из гнезда. Мы только что разбили палатку и устраивались на новом месте.

Птенец был крохотный, с жёлтыми крылышками в чёрных полосках и красной головкой. Посадили мы его в коробку и затянули марлей. Коробку поставили в сторонке под куст и занялись хозяйственными делами.

Вдруг под кустом суматоха. Налетела целая стая взрослых щеглов. Штук десять. С яростным писком они ринулись на штурм картонной коробки. Марля сразу была проклёвана в трёх местах, и дырки быстро увеличивались. Птенец помогал снизу, пробивая марлю, как скорлупу яйца. Мы решили не вмешиваться. Наконец в марле была проклёвана большая дыра, и птенец, пища и даже кряхтя, вывалился наружу. Переваливаясь, он заковылял в кусты. Сзади, спереди, с боков и сверху его сопровождал почётный эскорт в парадных мундирах.

Ай да щеглы! Увели!

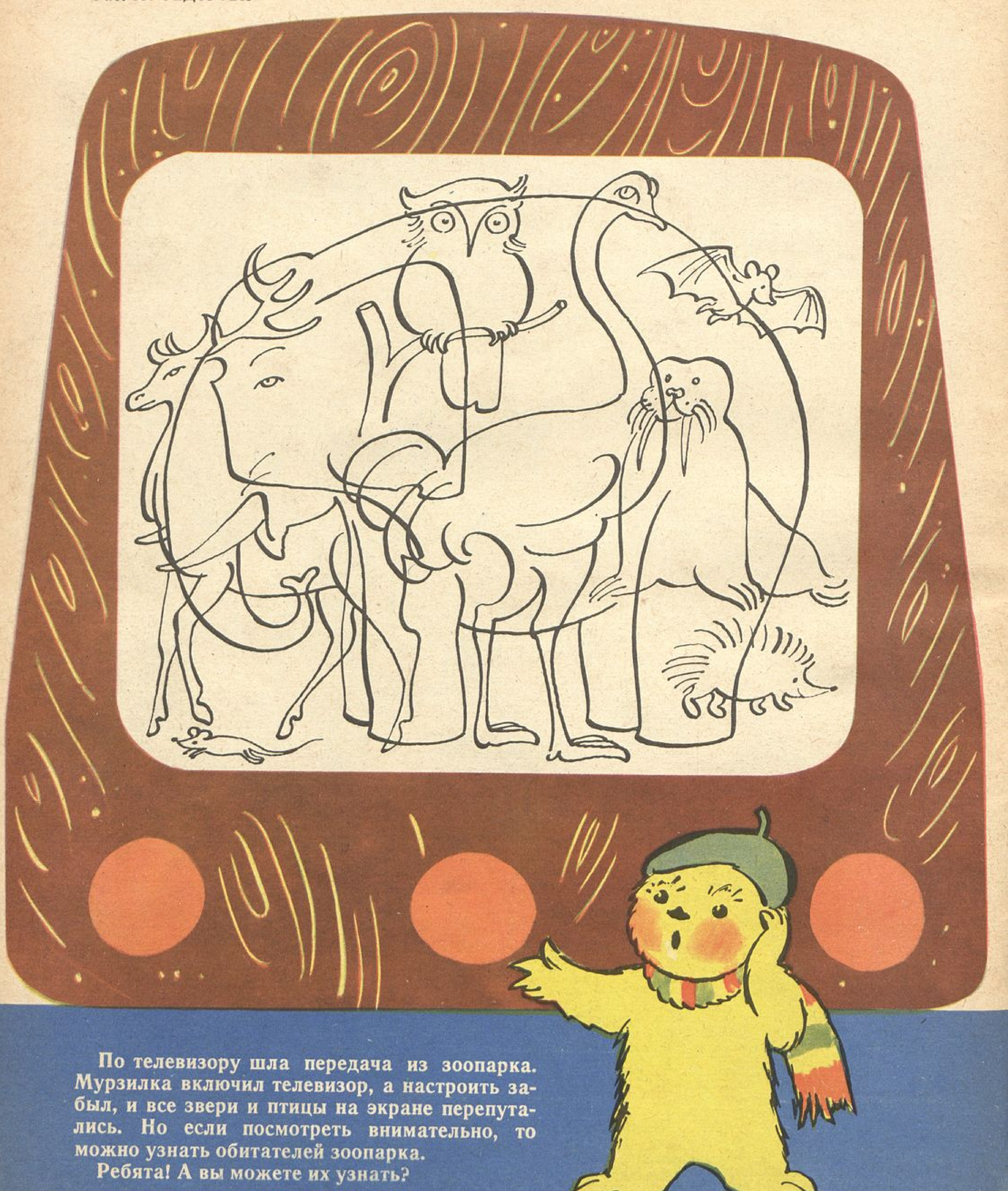

„Весёлый котик“. Рисунок Василисы Андреевой, 8 лет, Ленинград.

На обложке рисунок Т. ЕРЁМИНОЙ.

Редактор А. МИТЯЕВ
Редколлегия: З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв
Художественный редактор Ю. Молоканов
Технический редактор Л. Прозорова
Год издания тридцать восьмой. Цена 10 коп. Подп. к печати 16/VIII 1962 г. Бумага $60 \times 92^1/_8$. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8.
Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1416.
Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

Рис. Ю. ФЁДОРОВА

По телевизору шла передача из зоопарка. Мурзилка включил телевизор, а настроить забыл, и все звери и птицы на экране перепутались. Но если посмотреть внимательно, то можно узнать обитателей зоопарка.

Ребята! А вы можете их узнать?